

Предисловие

Мечта написать книгу «На кушетке» зародилась у меня двадцать пять лет назад, в ту пору, когда я, постигая тонкости психоанализа, четыре раза в неделю ездил на метро к своему психоаналитику. Уже и не вспомнить, сколько раз я, стоя на платформе, смотрел на один из огромных глянцевых плакатов с изображением психотерапевтической кушетки, прежде чем начал задумываться о том, зачем его здесь повесили. Эти плакаты в нью-йоркском метро являлись частью рекламной кампании, развернутой архиепархией Нью-Йорка. На каждом под изображением кушетки стояла надпись (на некоторых по-английски, на других — по-испански): «Можно обрести душевный покой и сидя на церковной скамье. Приходите в лоно церкви на Пасху. Архиепархия Римско-католической церкви Нью-Йорка» (рис. 0.1 и 0.2).

Эти рекламные постеры явно были ориентированы не на студентов-психологов вроде меня. Кто же, недоумевал я, составляет их целевую аудиторию? И почему Церковь так уверена, что пассажиры метро с легкостью расшифруют смысл мозолящего им глаза изображения и мгновенно сделают «правильный» выбор между кушеткой и церковной скамьей?

Размышляя над этими вопросами, я связался с канцелярией архиепархии и, объяснив, что намерен писать книгу

о кушетке, попросил прислать мне парочку экземпляров тех постеров из метро. Мне посоветовали обратиться в рекламное агентство, с которым Церковь заключила договор, и вскоре, к своей великой радости, я получил длинную узкую картонную коробку с двумя плакатами размером 6 × 4 фута — один на английском языке, другой — на испанском. Так началось долгое рождение книги «На кушетке».

За многие годы, вырезая из журнала *The New Yorker** карикатурные рисунки с кушеткой и читая все, что удавалось найти о ней в психоаналитической литературе, я постепенно пришел к осознанию, что о роли этого предмета мебели, при всей его огромной значимости для процесса душеврачевания, написано очень мало и данное несоответствие следует сделать отправной точкой моего исследования. Свою книгу я хотел посвятить не методу психоанализа с использованием кушетки, а происхождению самой мизансцены: лежащий на спине пациент беседует с психоаналитиком, который сидит вне зоны его видимости. В психоаналитической литературе этот аспект фактически не рассматривается.

И я стал штудировать разные источники. Изучая, так сказать, «замалчиваемую» историю психоаналитической кушетки, я обращался к материалам по истории искусства, мебели, моды и одежды, а также к работам, посвященным классическому и современному искусству. Тем временем моя и без того уже распухшая папка с любимыми карикатурными рисунками кушетки, вырезанными из *The New Yorker*, продолжала пополняться изображениями с журнальных обложек, из газет, каталогов и рекламных объявлений. В результате получился мультитематический труд, который, я надеюсь, будет любопытен читателям с самыми разными интересами. «На кушетке» — книга, предназначенная как для приверженцев так называемых психодисциплин¹ (психиатрия, психология, психоанализ), так и для всех,

На стр. 8–11:
0.1 и 0.2
Плакаты
в нью-йоркском
метро
1991

---

* The New Yorker — американский литературно-публицистический еженедельный журнал, рассчитанный на образованного читателя. (Здесь и далее звездочкой обозначены примечания переводчика и редактора.)

Algunas personas
la misma tranquilidad
sentados en un

**VEN A LA IGLESIA
ARQUIDIOCESIS**

mas encuentran
quilidad espiritual
banco de iglesia.

EN ESTA PASCUA.
DE NUEVA YORK.

Some people
the same people
sitting in

**COME HOME
THE CATHOLIC ARCHDIOCESE**

People find
peace of mind
in a pew.

**AT EASTER.
DIOCESE OF NEW YORK.**

кого привлекает «беседотерапия». Думаю, она также будет небезынтесна специалистам по истории и дизайну мебели и интерьера, искусствоведам и культурологам.

Если авторы прежних исследований, посвященных практике использования кушетки, не смотрели дальше Зигмунда Фрейда, то в книге «На кушетке» аргументированно доказывается, что обстановка кабинета психоаналитика, придуманная Фрейдом, не может быть адекватно понята вне комплексного культурного контекста. Нами заново проанализированы и проиллюстрированы нравы и обычаи в манере поведения и стиле одежды, а также новшества в мебельном производстве в связи с эволюцией целей и требований, диктуемых медицинской практикой. Убежденность Фрейда в том, что психоанализ лучше проводится, если психотерапевт находится вне поля зрения лежащего пациента, обусловлена этой неразрывной цепочкой культурных, эстетических, медицинских и психотерапевтических традиций. Сочетая богатый иллюстративный материал с критическими комментариями, я постарался дать более полную оценку методу Зигмунда Фрейда, сформированным этими традициями.

Поскольку интерьер врачебного кабинета неизменно отражает позицию психоаналитика в вечных рассуждениях о значении внешних проявлений, в моей книге само сообщество психоаналитиков становится объектом пристального изучения. Сколь бы упорно нынешние психоаналитики ни стремились дистанцироваться от фрейдовских романтических идей обустройства врачебного кабинета, они, хотя бы того или нет, все равно выражают ту или иную точку зрения на бесконечный спор о нравственных и общественных ценностях, воплощенных в мебели и интерьере. В книге показано, что современные психоаналитики невольно выступают выразителями противоречивых мнений о кушетке и психоанализе в целом.

В моем исследовании рассказывается не только об эволюции кушетки (кровать, скамейка, канапе, шезлонг, диван), но и о том, как ее образ укоренялся в нашем социокультурном сознании. Кушетка как неотъемлемый элемент процедуры психоанализа превратилась в символ, выходящий за рамки

психоанализа как такового, поскольку в общественном сознании она олицетворяет внутренний мир человека, самопознание и душевное здоровье — даже в представлении тех, кому психоанализ вовсе не интересен. Книга объясняет, как и почему у самих психоаналитиков сложилось двойственное отношение к кушетке — воплощению разноплановых символических значений.

Как практикующий психоаналитик, я нахожу бесконечно увлекательными диалоги и споры между кушеткой — объектом искусства и кушеткой — предметом сугубо утилитарным. Надеюсь, что книга привлечет внимание самого широкого круга читателей, которые пожелают разделить мой интерес.

Нью-Йорк, 2016